

Владимир Куприенко

Шанс

Митя Проклов начал просыпаться как личность, когда от него ушла жена. Уходила она как-то неуверенно, но в то же время твердо. Неуверенно дала понять, что уходит навсегда. «Почему?!» - спросил ошалело Митя.

«Потому что с тобой все несуразно», - сказала Нина. «Что несуразно?» - никак не мог понять происходящего Митя. «Все. С ног до головы», - твердо заявила Нина и неуверенно потрепала мужа по волосам.

Митя, наконец, выбрался из-за компьютера, протер очки и спросил вполне осмысленно: «Нинка, у тебя все в порядке?»

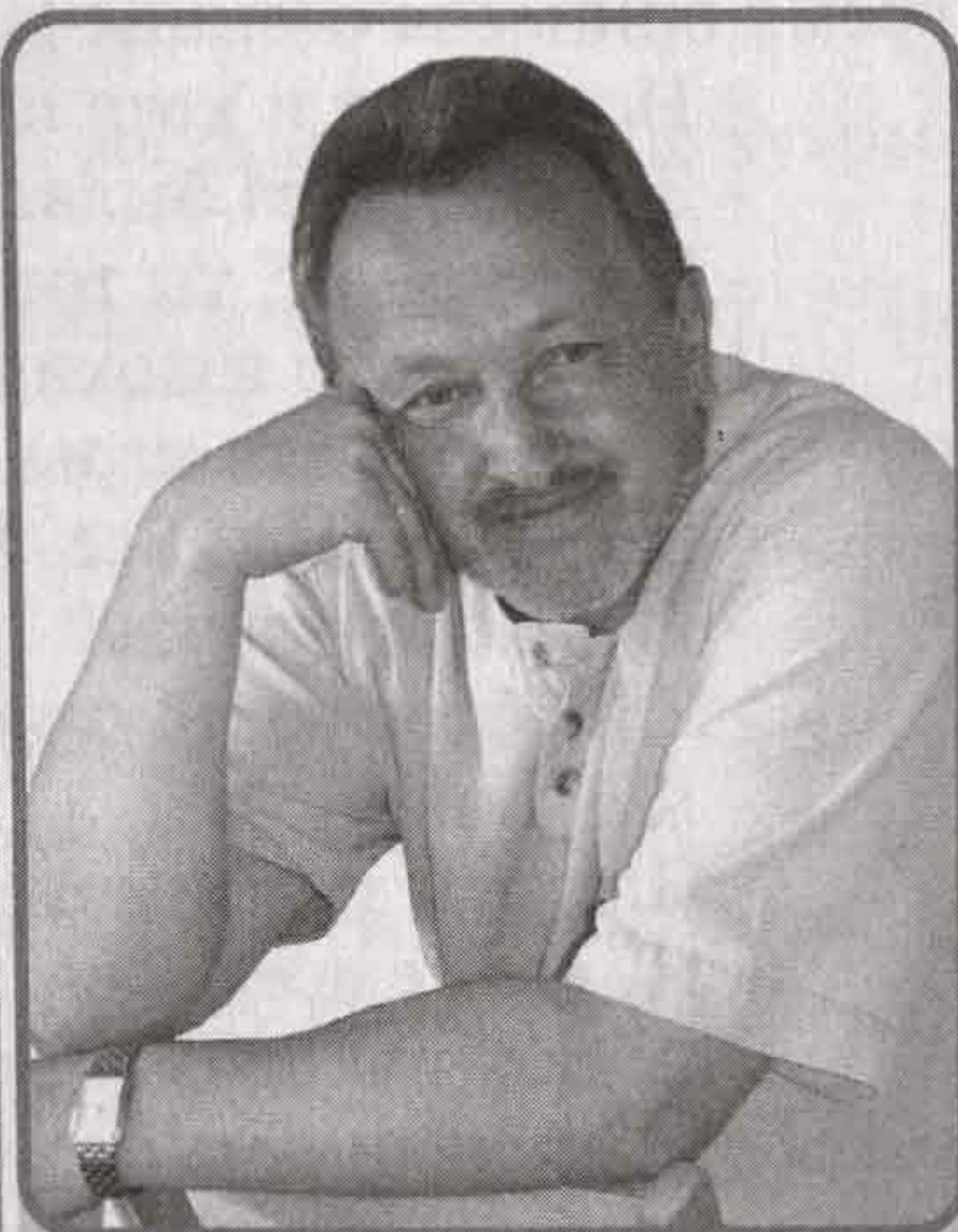
На что жена категорически заявила:

- Не дождетесь, Дмитрий Сергеевич. С чем, с чем, а с башкой у меня сейчас, как никогда, полный порядок. И я не блефую. Я ухожу от тебя и всей твоей несуразицы.

- Что входит в перечень моей несуразицы? - поскучнел Митя.

- Все, что тебя окружает. В том числе собака и кот.

Лохматую дворнягу по имени Чэпэ (чрезвычайное происшествие), одноглазого кота по имени Шип (потому что он очень обидчив и часто оскорбленно шипит по поводу и без такового) в разное

Родился в 1952 году в п. Октябрьском Зейского района Амурской области.

Выпускник Благовещенского педагогического института.

Член Союза журналистов СССР с 1980 года, член Союза писателей России с 1995 года. Прозаик.

время принесла с улицы Нина.

- Но собаку и кота принесла ты...
- Значит, дура была...
- Нет. Значит, ты тоже несуразица.

Нина тяжело вздохнула. Проклов втягивает ее в словесную кутерьму. Она не умеет играть в эти игры. Мозги разжижаются.

- Все, Проклов. Все. Я ухожу.
- Ты нас бросаешь?
- Я не бросаю. Я ухожу.
- К Зимину?
- При чем тут Зимин?!
- Ну ты же всегда восхищаешься им. Зимин то, Зимин се...

Зимин - руководитель и совладелец крупной фирмы, занимающейся совместно с итальянцами разработками новейших швейных технологий. Нина работает в этой фирме переводчиком-референтом. Зимин - блестящий руководитель. Так, по крайней мере, характеризует его Нина. Умница, голова! Мите она раньше тоже говорила, что он умница и голова. Только в последнее время к сему Нина стала добавлять с ехидным раздражением: «Жаль, не тому досталась». «Не тому телу?» - с той же ехидцей интересовался Митя.

Дмитрий Сергеевич Проклов - мощный компьютерщик-программист. Так считают все, кто с ним работает. Так считают и те, с кем он когда-либо был связан по работе. И у нас, и за рубежом. И те, и эти говорят: «С такой-то башкой как бы можно жить...» Как - Митя не знает. Он никогда не задумывался над этим. Жил да жил. Работал.

Работу Проклов любит.

Вот тут-то, вероятно, и зарыта некая пакость. Проклов работает ради работы, ему интересно. А абсолютное большинство работает ради денег. Добыча денег - вот что сегодня актуально. Но Митя этого не понимает. А может, и понимает, но не приемлет. До определенного времени так же жила и Нина. Жила себе да жила. И все ее устраивало: Проклов с его вечными компьютерными заморочками, небольшая, но уютная двухкомнатная квартира, собака Чэпэ и кот Шип. Иногда внутри рождалось томление - хотелось ребеночка. Мальчика или девочку - неважно. Но с ребеночком не получалось. Нина знала почему и томительное свое желание наружу не пускала. Только вздыхала тяжко. Иногда.

Но однажды наступило то самое «определенное время» и Нина начала бузить. С тех пор, как стала работать в этой фирме. Оказалось, что жить можно совсем иначе. И многие уже давно так живут. Крепко, широко, интересно. Даже с прислугой. Это обстоятельство совершенно выводило ее из равновесия. «Проклов! - восклицала Нина. - Люди имеют прислугу. Ты представляешь?!» Проклов поднимал голову от компьютера, смотрел на жену и улыбался. Он не представлял. Он смотрел на свою Нинку и любовался ею.

Митя любит эту женщину. А прислуга его не интересовала. Он никогда не жил с прислугой.

- И что? - подслеповато щурился Митя, сняв очки.
- Как что?! - искренне возмущалась жена. - Это же прислуга, а не хухры-мухры.

- Развей мысль дальше, женщина, - просил Митя и надевал очки. - Ты хочешь иметь прислугу?

- Любая женщина этого хочет.

- Любая - это значит все?

- Конечно!

- Нонсенс, матушка. Если все женщины хотят прислугу, то некому ей быть. Разве, что мужикам. Ну, давай, я стану твоей прислугой. А что? Пищу я и так готовлю, стираю. Осталось только полы раз в неделю мыть и пыль вытирать.

Проклов и впрямь делает некоторую нехитрую работу по дому. С тех пор, как стал вкалывать, не выходя из квартиры. Ему звонят, приносят заказы, он делает. А в промежутках готовит пищу и простирывает бельишко. И делает это с удовольствием. Смена занятия всегда желанна, тем паче при совершенно сидячей работе.

Единожды Нина побывала в гостях у кого-то из этих - совершенно новых и необязательно русских. И ей стало совсем плохо. Потому что она увидела квартиру и все в этой квартире. В том числе и камин. «Ты представляешь, Проклов, оказывается, в квартире можно иметь камин!» - взвыла Нина, вернувшись домой. Митя посмотрел на жену, потом окинул взглядом комнату, а мысленно и всю их квартиру, и понял, что с Нинкой началась беда. В их хибаре нельзя было воздвигнуть камин. И прислуга здесь как-то не вписывалась.

Следующим и последним этапом в этой череде психологических преобразований жены стало ее желание обладать колье из бриллиантов. Вечернее бальное платье Нина к тому времени уже пошила, осталась малость - колье. Митя поинтересовался с деликатной иронией: что нужно продать, чтобы купить эту побрякушку? Все скопом или что-то все-таки останется? Ему бы хотелось оставить компьютер.

Нина фыркнула: «Проклов, ты затерялся на помойке». «А ты нашлась?» - спокойно парировал Митя. Но это его задело. Он не мог осилить происходящее. Он не понимал, что произошло с его Нинкой. Трезвой, ироничной, не принимающей внешней блескучей шелухи, затмившей сознание многих. Что произошло? Митя поморщился и спросил: «А когда тебе понадобится «мерседес»? Иметь колье и не иметь достойного автомобиля...»

В один из обычных дней Нина не вернулась с работы. Поздно вечером позвонила и сказала все так же неуверенно, но твердо: «Я ушла, Проклов». Митя оторвал трубку от уха, недоуменно посмотрел на нее, опять поднес и спросил: «У меня есть шанс?» Она помолчала немного и сказала: «Есть. Очнись, посмотри, как живут сегодня люди. Вспомни, что у тебя еще молодая жена. Я хочу жить, Проклов, а не прозябать». «Как жена Зимина?» - спросил Митя. «Может быть», - ответила Нина и положила трубку.

Чтобы понять, как живет жена Зимина, необходимо было знать, сколько

зарабатывает этот блестящий руководитель, умница и голова. Нет, уточнил свою задачу Митя, не зарабатывает, а приносит в дом. Чтобы сделать в нем камин и напичкать его чем-то суперновым. Чем - Митя не знал, но представить мог. В Интернете он откапывал порой разные рекламные проспекты со всем этим нынешним пискком. Виденное не задевало его самолюбие. Ни в малейшей степени. Тогда. А теперь он вспомнил и представил.

Прокачав через друзей-знакомых необходимую информацию о Зимине и ему подобных, Проклов понял, что обычным путем ему такую программу не осилить. Никогда. Нужно что-то усиленно микитить. Как Зимин и ему подобные. Еще раз углубившись в информацию об этой людской категории, Митя уразумел совершенно банальную истину: эти люди не кто иной, как дореформенные ворюги и спекулянты. Это настолько сразило простого работягу интеллектуального промысла, что он даже опешил: «Во, дают!» Но оторопь эта была недолгой, поскольку Проклов обладал аналитическим складом ума. Митя быстро успокоился и стал думать.

Поскольку воровать и химичить я не умею, думал Проклов, и никогда не научусь, то нужно исходить из своих личных возможностей и опыта. Чем я располагаю? - спрашивал себя Митя. Башкой и компьютером. Все. Что можно из этого вытянуть? А хрен его знает. Что-то, наверное, можно.

И даже многое. Например? Надо подумать. И он подумал еще. Не один день и не одну ночь. И придумал. Все оказалось опять-таки до банальности просто. Раз люди хапают громадные (по Митиным представлениям) деньги, совершенно не чураясь психологически негуманных методов, то почему бы их не пощипать таким же образом? Совесть моя, подумал Проклов, в данной ситуации не взбрыкнет. И она, Митина совесть, и впрямь не возмутилась, когда он грабанул половину со счета Зимина энд К.

Как он это сделал? Да просто. Очень просто. Как делают все боль-мень предприимчивые хакеры мира. С помощью своего старенького, но очень хитромудрого компьютера. Благо, что в том географически провинциальном месте, где проживал Дмитрий Сергеевич Проклов, это было еще вполне возможным и даже достаточно новым. Митя влез в банковскую программу, расшифровал ее, нашел необходимый номер счета той самой фирмы, специализирующейся нынче (после каскада «блестящих» афер) на разработках новейших швейных технологий, и перекачал на свой счет ровно половину. А некий свой, практически пустующий, счет у Проклова был. Он собирал денежки на компьютер новейшей модификации. И все время опаздывал. Вроде соберется нужная сумма на нужный компьютер, ан глядь - появились компы гораздо покруче. Так он и не мог осилить мечту, так и тянулся. Но не очень-то спешно. Куда ему было торопиться.

А тут ушла жена. Со стороны взглянуть - так вроде и вовремя. Проснулся мужик и начал мозгами шевелить в практическом плане. А жена периодически возникала. В телефонной трубке. Спрашивала деловито, но с грустинкой: «Ну, как вы там?» На что Проклов всегда столь же деловито, но без малейшей грустинки отвечал: «Вашими молитвами, сударыня, вашими молитвами». И бросал

трубку. Мите было не до эмоциональных соплей. Он вошел в раж. Или в кураж. Это с какой стороны взглянуть. Он впахивал, насвистывая любимые блюзы, периодически подмигивая своему хозяйству - Чэпэ и Шипу. Про них Митя не забывал и содержал в образцовом порядке. В перерывах между производством блестящей, правда, местечкового масштаба, аферы, он даже купал и вычесывал своих домочадцев.

Афера местечкового ранга принесла Проклову громадные (опять-таки по Митиным представлениям) деньги. Но он не возликовал. Он методически осуществлял данный ему шанс. Купил в элитном районе квартиру из пяти комнат, запустил туда бригаду крутых мастеров и дизайнера. Они все сделали как надо. В том числе и камин. Потом нанял двух юрких дельцов и они мебелировали эту, как ее презрительно прозвал Митя, новорусскую фатеру. Затем опытные люди нашпиговали ее суперновой, суперклассной бытовой техникой.

Когда все это действие завершилось, Митя упаковал в просторную сумку Шипа, накинул поводок на Чэпэ и притащил их в эти хоромы. Очухавшись через пару минут в новой обстановке, Шип оскорбленно зашипел, а Чэпэ тоскливо взвыл. Они не поймали должного кайфа, и Митя еще раз убедился в своей правоте: суета это все и не больше. А убедившись окончательно и бесповоротно, собрал своих домочадцев в кучу и вернулся в свою уютную хибару.

А потом новое жильё посетила Нина. Она позвонила в очередной раз и спросила как обычно: «Ну, как вы там?» Митя вздохнул и сказал: «Мы исполнили ваш каприз, сударыня. Приходите». И осторожно положил трубку. И Нинка пришла, не могла не прийти - ведь интрига. Она пришла, и Митя привел ее в новорусскую фатеру. Привел, посмотрел в прекрасные, но совершенно растерянные в этот миг глаза жены, протянул ключи и сказал тихо: «Звони, если что еще понадобится. Мы всегда дома».

На каминной полке лежало кольцо из бриллиантов.

К Богу и Сыну его - с надеждой

Он с трудом открывает (еле-еле продирает) глаза и вновь закрывает их (уже испуганно-торопливо). Невозможно видеть свет, а уж утреннее солнце... Но тело оживает и он тут как бы ни при чем. Он сам с собой в своей тяготящей похмельной мути, а тело-органы-чресла - своим порядком. Ему, этому изрядной поношенности телу, хочется много и сразу. А первостепенно - попить и пописать. Лучше бы сделать это одновременно.

Ноги спускаются на пол и скребутся в поисках тапочек. Левая побеждает правую, и хозяин ног, уныло и кряхтя, идет в одной тапке (он не идет - ползет, тащится) в туалет. Справив малую нужду и попив холодной воды из-под крана (это не вода, это полный ... пардон, густо хлорированный раствор, и пить такое может только этот человек и ему подобные), он возвращается к кровати и тут его взгляд упирается в распятие.

- Все зависишь? - обращается он к Христу. - И я опять завис. Что-то Папа невнимателен к нам с тобой, дружок. Ну ладно я - не вылезаю из греха, но ты-то, ты - такой правильный малый и всегда печешься о тварях земных. Не бойсь, приятель, я уже на выходе и через пару дней схожу в церкву и поставлю свечи за нас с тобой. Нет, стоп, не поставлю, потому как на полной мели. Ни копыа за душой. Но, может, нам повезет, и я что-то продам из своей мазни, как ты считаешь? Пусть Папа снизойдет, а? Попроси его, будь другом. Хотя, понимаю, тебе не до этого. Боль, поди, адская?

Он смотрит на распятие, и по телу пробегает дрожь.

- Что за люди, а? Прихреначить живое тело гвоздями! И как ты допустил это, Папа? Прости меня, Господи, но сына ты прохлопал. И меня что-то подзабыл. Все недосуг? Понятно, вселенские хлопоты - это не жук чихнул. А я вспоминал тебя давича. Когда менты меня пинали в вытрезвителе. Зарубились, потому что с меня не фиг было взять. В карманах пусто, тряпки дряхлые. Прошлый раз хоть портсигар серебряный поимели, а нынче - хренушки. Вот они и взъерепенились. Я попросил тебя, как всегда: «Спаси и сохрани, Господи». И представляешь, они отвяли. Спасибо тебе, Отче.

А помнишь, как ты выручил меня в Париже? Тогда я был при деньгах и сподобился на эту поездку. А там винище сухое - считай бесплатно, три франка за флян. Ну меня и потащило. И однажды я выпал в осадок, и полицейский (как-то их иначе во Франции зовут) снимал меня с решетки над метро? Припоминаешь? Там все бомжи так спят, потому что из подземки тянется наверх теплый воздух. И никто их не трогает. А я чем-то не понравился французскому копу и он взял меня за шкварник. И когда коп уж больно сильно заломил мне руку, я попросил тебя о помощи. И ты в очередной раз выручил меня, Господи. Спасибо тебе. Я понимаю, что так нельзя говорить тебе, потому как масло масляное получается, ведь спасибо - это от спаси Бог. Но я так благодарен тебе, Отче, а иных слов нет, чтобы высказать тебе свою признательность, так что ты не обижайся, пожалуйста.

Мне не довелось идти с тобой по жизни с мальства. Так уж получилось. Время такое было. Страна и время. Здесь строили коммунизм. И отрицали тебя. Я знаю, Господи, ты не в обиде. Заблудшие овцы, что тут скажешь. И я на них не в обиде, потому как это была моя жизнь. Правда, бабушка Лера пыталась поставить меня на Путь Истины, но у нее ничего не получилось. Потому как родители мои были убежденными атеистами и хуже того - коммунистами.

Мужчина стоит возле стены, чешет грязными ногтями волосатую (и столь же грязную) грудь, смотрит на распятие и уныло вздыхает.

- Вот бы сейчас по маленькой. Да, приятель? И тебе б тоже полегчало. Я ж понимаю, как тебе больно и тошно, парень. Наживую висеть - это ж кто выдержит, а ты, бедолага, все зависишь и зависишь. Черти че! Доверчивый ты и наивный, паря. Теперь среди твоих ровесников таких не найдешь. Волки.

Слушай, попроси Папу, а? Ему же чудо - раз плюнуть, а нам облегчение. Я, правда, больше не буду, сейчас бы поправиться, а завтра совсем отпустит.

Больше пяти дней не могу. Организм поистаскался. Ну лады, с чудесами сегодня напряженка, Папа на нас в сердцах, надо самим шевелиться. Щас чего-нибудь поищу среди старой мазни, может, какой дурак найдется и возьмет за чеплашку. Ты как считаешь?

А ты знаешь, приятель, ведь мои старые работы очень даже ничего. Некоторые и сейчас в солидных залах висят. Думаешь, чешу? Зря ты так, я и вправду когда-то был неплохим художником.

Он выбирает холст, отыскивает достойный багет.

- Я пойду, а ты все-таки попроси Папу, а? Ну хотя бы намекни. Я бы сам попросил, но это уже перебор. Мол, Господи, спаси и сохрани - дай на бутылку. Так что ли? Не, дружок, это уже двадцать два - переборчик небольшой. И ты со мной согласен. А может, все-таки попросить? Он поймет. Ведь ты не осудишь меня, Отче? Ты же знаешь, что я не обману и завтра начну выравниваться. Ведь так? Завтра я до обеда буду стоять под душем, а потом наглажу брюки, одену чистую сорочку и отправлюсь к владыке. Он примет меня, отвечаю. В этом городе у тебя, Господи, достойная рабсила. Потому как епископ Стефаний у руля. Держит свою команду в строгости.

Только знаешь, Отче, что меня смущает? Уж больно все они толстые. Ребята из команды Стефания. Молодые, а раскормленные, аки свиньи. Ведь если следовать схеме постов, то все эти отцы должны быть прогонистыми, как борзые. Или я не прав? Когда я говорю об этом владыке, он нервничает и объясняет полноту своих юных коллег (именно так он их называет) неправильным питанием. Я таращу глаза в потолок и говорю: «Конечно, владыка, разве правильно сжирать за обедом полпоросенка...» Епископ тяжело вздыхает и пожимает плечами. Как будто он ни при чем.

А еще, Господи, меня частенько раздражают постулаты твоего ежедневника для людей. Библии. Я понимаю, что это не твоих рук дело. И не твоего сына Христа. Кстати, честнейший и порядочнейший малый. Вы не могли сотворить это собрание догм. Когда я напоминаю об этом владыке, он очень тихо (высшая степень его гнева, отвечаю) говорит: «О чем вы?! Очнитесь! И смиритесь, наконец, гордыню». А при чем тут моя гордыня...

Владыка говорит это и почему-то начинает креститься. Быстро-быстро. Словно чур меня. Думаю, Господи, в этот момент моя морда лица не вызывает у епископа положительных эмоций. А что делать? По сути-то я прав. Ведь так же, Отче? Я говорю очевидные вещи. Спрашиваю, к примеру, почему в таком-то приходе поп - бывший моряк - позволяет себе выходить на службу чуть ли не в драбадан и танцевать матросский танец с фруктовым названием «Яблочко»? Почему в другом приходе отец такой-то крестит людей почти на автопилоте?

А помнишь, Господи, случай в Северограде? Когда серый монах Ефиставий - настоятель местной церкви, приперся еле тепленький в полночь в бар, бросил на стойку пачку денег и потребовал шлюх. Он так и сказал: «Шлюх сюда парочку». Бармен Гоша пытался урезонить отца-настоятеля, мол, как же так, батюшка. И что? А то, что улегся выдающийся бармен современности за стойкой со сломанной

челюстью. А когда из-за столика поднялся бравый офицер Сережка Прокудин и попытался вмешаться, то и он слег под тяжелой рукой батюшки. А почему? Да потому, что в недавнем прошлом этот батюшка - боевой офицер российского спецназа, прошедший Афган и Чечню, мастер спорта по дзюдо. Кого ловить, Отче?

Когда бармен, втихушку выскользнув, вызвал милицию и питейное заведение посетили два бледнолицых сопливых сержанта, то картина лишь усугубилась - еще две жертвы «безвременно почили» на полу. И только когда подтянулись brave парни из ОМОНа, картинка прояснилась, и батюшку свезли в вытрезвитель.

Как же так, Отче? Ведь они - твои полпреды на нашем бренном шарике. Если они так, то нам-то, простым сирым, что остается? А знаешь, Господи, что говорит по этому поводу владыка? Вот что: «Мы - наемные работники Господа, а среди наемников всякие люди случаются!...» Представляешь?!

Разве ж так можно, Отче? В твоей команде не может быть балласта. Или я чего-то не понимаю? Наверное. Я всегда был склонен идеализировать. Беда. Так и промаялся всю жизнь. Потому и есть такой - неприкаянный. В детстве пацаны мне говорили: ты че такой доверчивый, Колян?! Ты, мол, совсем охр... Прости, Отче, так и прет из меня нецензурщина. Но я исправлюсь. Все к тому идет, поверь.

Помню, пацаном малым нашел возле универмага кошелек полнехонький, пошел в милицию и отдал. Ну не дурак ли?! То-то и оно... Мент Гушин тогда меня похвалил, щелкнул пустым фотиком и сказал, что напишет обо мне в газету. Я почти год ждал... Сдается мне, что капитан эти денежки просто просадил, потому как всю неделю вслед за этим летал на своем «Урале», как шальная пуля. Он так всегда по пьяне на мотике куролесил. И людей почем зря обижал. Нельзя так.

А через год я его увидел на улице. Он тогда старого Уфимцева под статью подвел ни за что ни про что. Я его увидел и сказал: «Бог тебя накажет, мент поганый». Так и сказал, слово в слово. Грубовато, конечно, но по делу и честно. И ведь ты его наказал, Господи. Мент Егоров утонул по весне. Через месяц после нашей встречи. Представляешь?

Мне всегда интересно, ведь все знают, что грешить нельзя, потому как отвечать перед Богом все равно придется, а грешат. Я и сам такой, чего уж там. Вон давеча занял у Петровны на чеплашку, пообещал наутро вернуть и не вернул. Наобещал-то впустую, откуда б деньги к утру взялись? И получил по загривку. От тебя. Не помнишь? Это через три дня случилось. Петровна меня подловила, я забожился, что верну, а она говорит, мол, не поминай Господа всуе, босяк, и знай, что за обман старухи ты перед ним ответишь. И, веришь, через два часа я кисть сломал. Правой руки. Той самой, которой у старушки деньги брал. Вот уж воистину...

Оно ж по жизни так. Не делай дерьма и будешь жить нормально. И люди к тебе потянутся. Но я б и добра не делал, честно скажу. Не прав, наверное, не по твоим заповедям это, но уж больно часто я на добре горел. Право слово, Господи.

Мужчина тяжело вздыхает, заворачивает картину в старую простынь, кивает распятому Христу и выходит с надеждой - вдруг повезет...